

А. А. Иванов

«АЛЕКСЕЙ ХВОСТОВ – У ВЛАСТИ». ПОРТРЕТ ПРАВОГО ПОЛИТИКА

Статья посвящена видному правому деятелю дореволюционной России А. Н. Хвостову. На базе многочисленных, в том числе архивных, источников в работе представлена политическая биография губернатора, председателя фракции правых IV Государственной думы, министра внутренних дел Хвостова, проанализированы его взгляды и идеологические установки, рассмотрены основные этапы его практической деятельности. Особое место в статье уделено думской деятельности Хвостова, его взаимоотношениям с монархическим лагерем в целом и с его представительством в Государственной думе в частности. Статья богато проиллюстрирована оценками личности политика современниками различных политических взглядов.

A. Ivanov

“ALEKSEY KHVOSTOV IN POWER”. THE PORTRAIT OF THE RIGHT POLITICIAN

The article is devoted to A. Khvostov – a prominent right statesman of pre-revolutionary Russia. Basing on numerous sources, archives in particular, the author describes the political biography of Khvostov, the governor, the right faction’s chairman of the 4th State Duma and the Minister for Internal Affairs. His views and ideological aims are analysed and the main stages of his practical activities are examined. Special attention is paid to Khvostov’s parliament activity in the Duma, to his relations with the monarchic society on the whole and with its representatives in the Duma in particular. The article is rich in estimations of this politician’s personality given by his contemporaries of different political views.

*«Хвостов – ушкуйник молодецкий»
Из фольклора Трубецкого бастиона, 1918 г.¹*

*«Нужно сказать, что Хвостов – это один
из самых больших безобразников <...>
для него никаких законов не существует».*

С. Ю. Вумме²

Имя Алексея Николаевича Хвостова – нижегородского губернатора, председателя бюро фракции правых IV Государственной думы, министра внутренних дел и организатора несостоявшегося покушения на Г. Е. Распутина – историкам царствования императора Николая II хорошо известно. Между тем эта, безусловно, значительная и колоритная фигура до сих пор изображается в большинстве исследовательских работ шаблонно, в ироничном или резко негативном ключе. Конечно, для критики Хвостова основания есть, более того – их немало, но превращать его в опереточный персонаж было бы, на наш взгляд, невер-

но и несправедливо. Так что попытка объективного взгляда на А. Н. Хвостова и его деятельность представляется нам важной и актуальной.

А. Н. Хвостов (1872–1918) происходил из старинного и состоятельного дворянского рода известного со второй половины XIII в. Хвостовы были крупными землевладельцами, обладавшими поместьями в Вологодской, Воронежской, Орловской и Тульской губерниях. Отец Алексея Хвостова – Н. А. Хвостов (1844–1913) являлся членом Государственного совета, а дядя А. А. Хвостов (1857–1922) был министром юстиции и внутренних дел. Среди родственников Хвостова был и известный в эмиграции поэт-монархист С. С. Бехтеев (1879–1954), приходившийся Алексею Николаевичу двоюродным братом.

Получив образование в элитарном Императорском Александровском лицее, который Хвостов окончил с серебряной медалью (1893), он был определен на службу в Министерство юстиции, где состоял чи-

новником различных департаментов Сената, последовательно занимая должности товарища прокурора Тверского (с 1898 г.) и Московского (с 1900 г.) окружных судов; минского (с 1904 г.) и тульского (с 1906 г.) вице-губернатора; вологодского (с 1906 г.) и нижегородского (с 1910 г.) губернатора.

На последних должностных постах А. Н. Хвостов зарекомендовал себя как человек правых взглядов, убежденный монархист, покровитель черносотенных партий и союзов. На этой стезе он выдвинулся во время первой российской революции 1905–1907 гг. Являясь весьма энергичным сановником, Хвостов усмирительной политикой на постах вологодского, а затем и нижегородского губернатора обратил на себя внимание П. А. Столыпина, рекомендовавшего его императору Николаю II. Как убедительно доказал в своем исследовании современный историк С. В. Куликов, «разделявшаяся современниками и исследователями версия о причастности к выдвижению кандидатуры А. Н. Хвостова царицы, князя М. М. Андроникова и Г. Е. Распутина лишена оснований»³. Император последовал совету премьера, и в августе 1911 г. послал в Нижний Новгород Распутина, чтобы тот присмотрелся к губернатору, которого царь наметил на министерскую должность. Но назначение тогда не состоялось: Хвостов не проявил «должного» почтения к «старцу», и тот, смущенный «крутым нравом» губернатора, дал о нем отрицательный отзыв⁴. Впрочем, несмотря на отзыв Распутина, Николай II склонился к тому, чтобы после убийства Столыпина на должность главы МВД поставить именно Хвостова, но отказался от своего замысла по просьбе нового премьера В. Н. Коковцова, который определенно не симпатизировал черносотенным взглядам нижегородского губернатора⁵.

О Хвостове, впрочем, отзывались по-разному. С. Н. Булгаков, знавший Хвостова в ту пору, так писал о нем: «Это был отвратительно толстый и столь же развязный человек, — он внушал мне непримиримое

отвращение»⁶. Противник Хвостова, имевший с ним личные счеты, товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский считал, что «это был тип совершенно отрицательный»: «Он очень плохо себя поставил в Нижнем и вел себя по отношению крайних правых партий не как губернатор, а как член их партии, был бестактен и окружил себя самыми недостойными и сомнительными личностями»⁷. А одна из таких «сомнительных личностей», «крупная фигура хвостовской шайки», а впоследствии единомышленник А. Н. Хвостова по думской фракции правых П. А. Барач утверждал, что положение Нижегородского губернатора было просто невозможным уже только потому, что тот был правым и ярким борцом с революцией и с «ожидовлением» Нижнего Новгорода, за что его усиленно травил либеральный лагерь⁸. По словам же октябриста Н. В. Савича, нижегородский губернатор был еще молодым человеком, «принадлежащим к крайним правым» и «отличавшимся большою решительностью характера»⁹.

Впрочем, как можно заметить, свидетельства эти нисколько не противоречат друг другу, а лишь представляют один и тот же факт с разных сторон: Хвостов устраивал правых, но был крайне неприятен их противникам. Хотя причины сомневаться в порядочности А. Н. Хвостова, безусловно, есть. В 1912 г. он покинул нижегородское губернаторство, находясь под следствием (подозревался в «неправильном расходовании казенных сумм»). Тем не менее это обстоятельство не помешало ему быть избранным в IV Государственную думу.

Однако, едва ли в данном случае речь шла о грубых хищениях государственных средств. Скорее всего, имелось в виду широкое расходование Хвостовым губернских денег на проведение в IV Государственную думу правых депутатов. Если большинство губернаторов в связи с расколами и дрязгами в правом движении пессимистически смотрели на возможность проведения в нижнюю палату российского парламента

членов черносотенных союзов, то Хвостов этого взгляда определенно не разделял. В ходе выборной кампании 1912 г. нижегородский губернатор развивал теорию, согласно которой нужные правительству результаты выборов должны обеспечивать губернаторы, в силах которых провести в Думу исключительно консервативно настроенных депутатов. Правда, добавлял Хвостов, губернаторам при этом придется проявить твердость характера, не колебаться в выборе средств и не обращать внимание на протесты либеральной печати и жалобы на неправильность выборов¹⁰. И надо признать, что воплощение этой «доктрины» Хвостовым принесло свои результаты: опираясь на черносотенные организации и используя «административный ресурс», нижегородский губернатор провел в Думу исключительно правых монархистов, что явилось для многих полной неожиданностью, поскольку черносотенцы никогда не были сильны в этом регионе (ни одного правого депутата в Думу I—III созывов Нижегородская губерния не делегировала). Таким образом, благодаря стараниям Хвостова Нижегородская губерния, по образному выражению исследователя А. А. Фоменкова, «поменяла свою политическую направленность на 180 градусов: с левокадетской на правоконсервативную, став оплотом самодержавия»: «Победа монархистов в Нижегородском регионе явилась демонстрацией возможностей “правильного” вмешательства исполнительной власти в выборные процессы. Главным “героем” нижегородской кампании стал не кто-либо из избранных депутатов, а губернатор Алексей Николаевич Хвостов, сумевший сделать, казалось бы, невозможное»¹¹. На практике же это «невозможное» заключалось в следующих мерах: Хвостов провел мониторинговое исследование, в ходе которого все уездные исправники подали сведения о политической ориентации землевладельцев и городских голов в подотчетных им уездах; привлек к выборной агитации придерживавшегося монархических

взглядов архиепископа Нижегородского и Арзамасского Иоакима (Левитского); популярные кандидаты-либералы, ранее успешно избираемые в Думу были отданы под следствие в связи с подозрением в злоупотреблениях служебным положением по земской линии (что, естественно, сопровождалось громкой кампанией по дискредитации этих лиц); для сплочения всех монархических элементов губернии было сформировано Особое делопроизводство; губернская администрация спешно пересмотрела ценз проживающих в Нижнем Новгороде иудеев, существенно сократив число тех, кто имел избирательное право; чиновникам популярно «объясняли» за кого надо голосовать¹². И результат не замедлил сказаться: Хвостову удалось провести в Думу шесть крайне правых и одного националиста, да еще и самому пройти в парламент от Орловской губернии.

Впоследствии кадетская фракция выступила с запросом по поводу действий Хвостова в ходе избирательной кампании, предложив предать его суду Сената, однако инициатива либералов успеха не имела.

В Думе Хвостов был избран председателем бюро фракции правых, занимая эту должность чуть более года. По мнению националиста А. А. Ознобишина, председателем он был весьма талантливым и наделенным чувством такта¹³, но довольно быстро сложил свои полномочия, якобы для того, чтобы не быть связанным фракционной дисциплиной. Но на самом деле уход Хвостова с председательского места был вынужденным. Так, к марту 1913 г. во фракции правых наметились две явно выраженные тенденции, которые олицетворяли председатель фракции А.Н. Хвостов и ее неформальный лидер, председатель Главного совета Союза русского народа Н. Е. Марков. Фракция, выражаясь словами большевика А. Е. Бадаева, разделилась на «зарвавшихся марковцев» и «умеренных хвостовцев»¹⁴. Первые (группа депутатов Н. Е. Маркова — Г. Г. Замысловского) стояли на позициях полной непримиримости,

считая, что все «справедливые» требования правых Думой должны быть выполнены и никакие компромиссы невозможны; вторые (группа А. Н. Хвостова – П. А. Барача) доказывали необходимость примирительной тактики и сотрудничества «со всеми здоровыми силами» Государственной думы, так как в противном случае большинство Думы обойдется вовсе без правых и «вышвырнет их за борт»¹⁵. Попытки переубедить Н. Е. Маркова и его сторонников не увенчались успехом и Хвостов вместе с депутатом-нижегородцем Барачем обратились к секретарю фракции националистов Чихачеву с заявлением, что они сами и их единомышленники, составляющие во фракции правых самостоятельную умеренно-правую группу, желали бы выйти из состава своей фракции и присоединиться к националистам, поскольку решительно не сочувствуют процессу самоумерщвления, на путь которого вступают непримиримо правые¹⁶. Однако Маркову удалось удержать фракцию в своих руках и дело закончилось тем, что к националистам единолично перешел Барач, а Хвостов, когда противоречия между внутрифракционными группами достигли своего апогея¹⁷ и сторонники Маркова уже открыто говорили, что ввиду «недостаточной преданности» правой идеологии действующего председателя «следовало бы подумать об избрании нового председателя фракции», отказался от председательской должности. Хвостова на посту председателя фракции сменил одесский профессор С. В. Левашев, а Алексей Николаевич, побыв какое-то время во фракции на рядовых ролях, не позже 1915 г. покинул ее, перейдя в беспартийную группу.

Впрочем, выход из фракции не означал для Хвостова полного разрыва с правыми. Еще будучи председателем фракции правых, он сформулировал кредо парламентариев-монархистов следующими словами: «Мы, правые, требуем: 1. Православия – как духа любви к ближнему, умиряющего всю остроту западно-европейской борьбы

за существование; 2. Самодержавия – как нашей надежды, нашей защиты, против засилья банковских консорциумов и промышленных синдикатов, протягивающих свои хищные руки даже к священным твердыням государственной обороны; 3. Русской народности, широкий размах коей создал великое государство...»¹⁸. Не отступал он от него и покинув фракцию, хотя и несколько дистанцировался от деятельности черносотенных организаций. В 1915 г. Хвостов был исключен из Совета старейшей монархической организации С.-Петербурга Русского собрания, товарищем председателя которого он являлся с 1913 г. (исключение состоялось согласно уставу, который Хвостов нарушил, систематически став прогуливать заседания Собрания); в том же году он был исключен и из Главного совета Союза русского народа, членом которого являлся с 1912 г. Однако общение с правыми Хвостов продолжил через работу монархических кружков и салонов.

Но в том же 1915 г. о А.Н. Хвостове вспомнили в высших сферах. Бывшего губернатора, а теперь парламентария было решено привлечь к управлению Министерством внутренних дел. Роль в этом назначении сыграл ряд факторов: во-первых, была памятна рекомендация, данная Хвостову Столыпиным; во-вторых, назначение «народного избранника» министром (впервые в истории!) должно было стать шагом навстречу парламентской оппозиции; в-третьих, Хвостов имел репутацию яркого германофоба, неоднократно выступая с думской кафедры с требованиями энергичной борьбы с «немецким засильем», а значит, полагал император, «уж его-то в шпионстве не заподозрят»¹⁹. И хотя говорили, что этого назначения добивался сам Хвостов через посредничество Распутина, которого якобы на образах клялся охранять всеми силами и одаривал различными подарками²⁰, данные эти не подтверждаются – Распутин в это время находился у себя на родине, в Сибири.

Желание Николая II назначить Хвостова министром поддержала и императрица Александра Федоровна. «Он удивительно умен, — писала о Хвостове царица мужу, — не беда, что немного самоуверен <...> он энергичный, преданный человек, который желает помочь тебе и своему отечеству»²¹. Против этого назначения выступили председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин и министр юстиции А. А. Хвостов — родной дядя экс-губернатора и депутата.

Назначение А. Н. Хвостова министром в целом приветствовалось правыми как удачное и знаменательное. В нем заранее видели залог лучшего будущего для России. Правые газеты вспоминали прежние заслуги Хвостова в борьбе с революцией, писали о его организаторских и ораторских способностях, возлагали на него большие надежды²².

Иначе смотрели на назначение Хвостова представители революционного и оппозиционного лагеря. Л. Д. Троцкий в одной из своих публицистических статей высказывал мысль, что назначение министром внутренних дел «черного депутата и полураскаившегося погромщика» представляет собой откровенное издевательство над думским блоком и земской оппозицией²³. А один из основателей Прогрессивного блока, лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, отмечал, что это назначение было крайне неудачным, поскольку Хвостов «был молодой и шустрый человек, энергичный и предприимчивый, — но только не на государственную деятельность»²⁴.

Приступив к министерским обязанностям, Хвостов выдвинул программу, которая представляла собой попытку укрепления правительственной власти и ограничения деятельности общественных организаций при соблюдении видимости благожелательного отношения к обществу. В этих целях он попытался на правительственном уровне развить хорошие отношения с Думой, что проявилось хотя бы в том, что, получив административное назначение, он

не отказался от звания парламентария, в отличие от того, как обычно поступали депутаты, получая государственную должность. Более того, Хвостов довольно часто посещал заседания Государственной думы, входя в здание не из министерского павильона, как полагалось министру, а из общего депутатского подъезда и, для более тесного сближения с членами Думы передавал им в кулуарах и за завтраком некоторые желательные ему в общих или личных целях сведения²⁵.

В замыслы Хвостова входило войти в контакт с правым крылом Государственной думы и Государственного совета, а также с монархическими организациями, и хотя бы на время остановить или ослабить их непримиримую борьбу с Прогрессивным блоком, наладив меры к сближению с виднейшими думскими деятелями и председателем Думы, т. е. добиться примирения в обеих палатах путем взаимных уступок со стороны правых и оппозиции. Как уже отмечалось выше, Хвостов не отличался столь непримиримым упорством и прямолинейностью в достижении своих целей, как его недавний софракционер Марков. Новый министр пытался лавировать между правыми и Прогрессивным блоком, правда, до тех пор, пока это не перечило его консервативным принципам. По собственному признанию он хотел «выдвинуться как человек примиривший Думу с правительством»²⁶. Но «заигрывая» с либералами, Хвостов не забывал наносить им «удары». Так, например, добиваясь расположения председателя Думы, он решил сразу убить двух зайцев: предложил Николаю II наградить М. В. Родзянко орденом, поскольку «ему бы (председателю Думы. — А. И.) это польстило, а вместе с тем, он упал бы в глазах левых тем, что принял... награду»²⁷.

Хвостов старался найти общий язык общения с «общественностью», стремился примирить различные слои русского общества, изо всех сил старался приостановить партийную борьбу, набиравшую все боль-

шую силу. Не случайно у некоторых современников сложилось мнение, что «якобы “правый” господин Хвостов гораздо дальше от консерватизма, чем якобы “левый” князь Щербатов (предшествующий глава МВД. — А. И.)». «Никакого сдвига направо не совершилось», — свидетельствовал кадет П. Б. Струве²⁸. Более того, за свое стремление завоевать симпатии рабочих, которым в 1916 г. Хвостов разрешил устроить всероссийский съезд, глава МВД заслужил в кулуарах Думы шутовское прозвище «министр-меньшевик»²⁹.

Хвостов пытался несколько ослабить резкость выступлений некоторых своих софракционеров (Маркова, Замысловского), желая добиться объединения фракций правых и их более умеренных соседей слева — националистов, что должно было способствовать созданию противовеса либеральному Прогрессивному блоку в виде блока консервативного, и как минимум усилить правую часть Думы. Характерно, что руководителем этого объединения Хвостов хотел видеть не своих недавних софракционеров: С. В. Левашева, В. М. Пуришкевича или Н. Е. Маркова (последнего Хвостов стремился вообще отеснить на второй план³⁰), а более умеренного националиста П. Н. Балашева, который так же, как и Хвостов, выступал за соглашение с крайне правыми. Вел Хвостов переговоры с группой центра П. Н. Крупенского и правым крылом октябристов. Проводя эти маневры, министр заявлял журналистам: «В дальнейшей работе на правительственной скамье я не смогу опираться только на крайне правое крыло Государственной думы, как нельзя опереться и на другое крайнее крыло. Работать нужно со всеми партиями Думы, и я убежден, что путем переговоров удастся достигнуть соглашения с [Прогрессивным] Блоком»³¹.

Вместе с тем Хвостовым было немало сделано для предотвращения междоусобиц и поднятия престижа среди правых. Чтобы продемонстрировать отсутствие трений и противоречий между главенствующими

правыми организациями — Союзом русского народа и Всероссийским Дубровинским Союзом русского народа, ему даже удалось примирить враждовавших в течение последних пяти лет лидеров этих организаций Н. Е. Маркова и А. И. Дубровина.

Кроме укрепления положения думских фракций консервативного направления, Хвостов предпринимал меры к усилению правого крыла Государственного совета. Благодаря активной поддержке министра удалось провести в верхнюю палату четырех правых и компенсировать их потери среди выборных членов³².

Оживляя деятельность правых, Хвостов содействовал организации монархических совещаний, которые не собирались с начала Первой мировой войны. Однако сам министр по тактическим соображениям ни на одном из них не присутствовал. На съезды и другие нужды (поддержка правой печати, содержание лазаретов, организованных монархистами, и т. д.) правые получали от Хвостова щедрые субсидии, исчислявшиеся сотнями тысяч рублей³³. Вместе с тем подыскивались замены наиболее одиозным лидерам правых союзов и партийных групп на менее скомпрометировавших себя в глазах «культурного общества» деятелей.

Кроме того, Хвостов пытался усилить позицию правых в массах, организовывая под руководством правых потребительские лавки, целью которых было противостоять растущей дороговизне (один из главных программных постулатов Хвостова), и другие общественные организации. Так, «Общество по борьбе с дороговизной» возглавлял Г. И. Кушнырь-Кушнарев, член черносотенного Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА), «Общество попечения о беженцах православного вероисповедания» — вожди крайне правой фракции Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский. В августе 1916 г. Хвостовым было также утверждено «Общество русской государственной карты», созданное лидером РНСМА В. М. Пуришкевичем и имевшее целью «выработку основных положений,

на которых Россия после победоносной войны может заключить мир, осуществляющий ее исторические, национальные, государственные и славянские задачи»³⁴.

Поскольку в ноябре 1917 г. заканчивался срок полномочий IV Государственной думы, Хвостов уже в 1915 г. разрабатывал стратегию предстоящих выборов, имеющую целью получить в V Думу преимущественно правых октябристов и, по возможности, даже более консервативных элементов. Для этого через Совет министров ему удалось провести предложение о внедрении правительственной линии в какую-либо крупную авторитетную газету, каковой стало суворинское «Новое время». Он же предложил императору в связи с подготовкой парламентских выборов выделить 5 млн руб. для подкупа прессы, однако предложение это развития не получило. Тем не менее Хвостов добился от Николая II согласия на отпуск 8 млн руб. для подготовки выборной кампании. Из них в 1915—1916 гг. им были получены приблизительно 1 млн 300 тыс. руб., которые Хвостов, по показаниям сменившего его на посту А. Д. Протопопова, растратил отнюдь не по назначению, а по мнению советского историка В. П. Семеникова, — просто присвоил себе³⁵. Как бы то ни было, по решению Николая II расследование этой темной истории предпринято не было.

В целом, находясь в должности министра внутренних дел, Хвостов планировал реализовать основополагающие программные постулаты правых, такие как: борьба с немецким засильем, дороговизной, крупными частными банками, но в более завуалированной, «либеральной» форме, что сперва привлекло к нему некоторые либеральные круги средней буржуазии. Поначалу возникло даже подозрение, что Хвостов отделился от правых и чуть ли не перешел к кадетам. Однако сам Хвостов поспешил опровергнуть эти слухи, заявив, что своих убеждений он не менял и такими устоями, как «Православие, Самодержавие, Народность», он никогда не поступится³⁶. В том, что Хвостов был и остался истинным монархистом, несмотря

на подозрительные «маневры» с либералами, не сомневались и сами правые. Показательно, что Хвостов, прибывая в должности министра внутренних дел, открыто продолжал носить на груди значок черносотенного Союза русского народа, нисколько им не стесняясь. Как выразился о нем В. М. Пуришкевич: «этот, верно, не слукавит и государство не продаст»³⁷.

Но Хвостов «слукавил» и поэтому продержался на своем посту недолго. Желая добиться популярности в обществе, министр затеял интригу против Г. Е. Распутина, заявляя в интервью и частных беседах, что как «человек без задерживающих центров», готов избавиться от последнего, выслал его на родину или «с буфера под поезд сбросить». «Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги», — отмечал, вспоминая слова Хвостова, генерал А. И. Спиридович³⁸. Примерно те же слова Хвостов произнес и в беседе с И. В. Гессеном, состоявшейся в 1916 г.: «Я люблю эту игру, и для меня было бы все равно, что рюмку водки выпить, что арестовать Распутина и выслать его на Родину»; а государственный секретарь С. Е. Крыженовский охарактеризовал Хвостова следующим образом: «Это был человек очень не глупый, талантливый и ловкий, но какой-то неистовый, почти первобытный по инстинктам и вдобавок совершенно аморальный, способный ради личных выгод и целей на какие угодно поступки»³⁹. Заговор против Распутина, который начал было организовывать министр внутренних дел вскоре был раскрыт: «толстым Хвостовым», по мнению не так давно восхвалявшей его императрицы Александры Федоровны, «овладел сам дьявол»⁴⁰. Однако дело огласке решено было не предавать, 3 марта 1916 г. Хвостов получил отставку и на несколько месяцев покинул Петроград, после чего вновь приступил к своим обязанностям члена Государственной думы, вступив в беспартийную группу⁴¹.

Период нахождения Хвостова во власти был, пожалуй, самым благоприятным для правых за годы Первой мировой войны, после которого их несколько пробудившаяся активность (не без финансовых вливаний Хвостова) решительно пошла на спад. Однако, по общему мнению монархистов, Хвостов не оправдал возлагавшихся на него надежд. От него ожидали «подавления нарастающего народного бунта», как от человека, во власти которого находились силовые структуры, а не обходительного обращения с общественностью и интриг против Распутина. Близкий к правым националист А. А. Ознобишин позже искренне жалел, что на место Хвостова не был назначен Марков при котором «правило *“salus publica — suprema lex esto”* [«общественное благо — высший закон». — А. И.], не осталось бы пустым звуком, и он сумел бы использовать, худо или хорошо, <...> всю полноту власти», и что «время пребывания его в деятельности министра внутренних дел, во всяком случае, составило бы крупную эпоху в истории Государства Российского»⁴².

А через год разразилась Февральская революция... В дни государственного переворота А. Н. Хвостов поспешил прибыть в Государственную думу и признать новую власть. Несмотря на это, вскоре как бывший сановник «старого режима» он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и подвергнут допросам Чрезвычайной следственной комиссией (ЧСК) Временного правительства, которая обвиняла его в растрате казенных денег. По словам члена ЧСК А. А. Блока, Хвостов был «величайшим среди наших клиентов сплетником и шутом», а его рассказы на допросах поэт охарактеризовал такими словами: «противно и интересно вместе», «увлекательно и гнусно»⁴³. Об этом же свидетельствовал и другой член ЧСК П. Е. Щеголев: «Беспардонный и жизнерадостный шут <...> Его показания поразительны по своему откровенному цинизму, безудержной наглости и полному отсутствию сознания какой-либо вменяемости поступков, какой-либо ответственности.

“Алексей Хвостов — у власти” — благодарная тема для оперетки, ибо разворачиваемая им в показаниях картина его министерства, его властвования превосходит все, что создавало воображение авторов опереточных и водевильных текстов»⁴⁴.

Сменившие Временное правительство большевики оставили А. Н. Хвостова в тюрьме. Интересное описание Хвостова в заключении оставил видный правый деятель полковник Ф. В. Винберг, арестованный большевиками и помещенный в тюрьму вместе с бывшим министром: «Алексей Николаевич Хвостов, бывший член 4-й Государственной Думы, бывший министр внутренних дел и бывшая, а может быть, и будущая черносотенная гроза всех наших либералов. Хвостов пригласил меня выпить чаю в его комнате. Немного осмотревшись и устроившись в своей палате, я пошел к нему и застал его за столом, мирно распивающим чай и дружно беседующим с социалистом-революционером-террористом Владимиром Львовичем Бурцевым и с бывшим директором Департамента полиции, а затем товарищем министра внутренних дел, много повлиявшим на отставку Хвостова еще во время «старого режима», Степаном Петровичем Белецким. Тюрьма сгладила, таким образом, не только диаметрально противоположные политические убеждения, но и чисто личные старые неприязненные счеты»⁴⁵. «Алексей Николаевич Хвостов, — писал в своем дневнике Винберг, — крайнего правого направления, энергичного, стремительного и решительного нрава, умный, хитрый и несколько лукавый, с большой выдержкой переносит свое тяжелое положение, но не сомневаюсь, что цепи неволи очень сильно его давят; когда наступит его час торжества и возмездия, не поздравляю тех из его нынешних поработителей, которые встретятся на его пути»⁴⁶. «...Он держит себя с полным достоинством и мужеством», — заключал свои наблюдения за Хвостовым Винберг⁴⁷.

Вскоре большевики перевезли Хвостова из Петрограда в Москву и в первый день объявленного Советом народных комис-

саров «красного террора» — 5 сентября 1918 г. — он был расстрелян как заложник на Ходыньском поле. Как позже сообщалось в монархическом журнале «Луч света», «когда, после залпа, легко раненный Хвостов пытался выбраться из своей преждев-

ременной могилы, его штыками столкнули обратно и живого засыпали землей»⁴⁸. Так трагически оборвалась жизнь этого неординарного и неоднозначного человека, вызывавшего у современников столько противоречивых чувств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Винберг Ф. В.* В плену у «обезьян». Записки «контрреволюционера» // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. А. А. Иванов при участии С. Г. Зирина. — М., 2008. — С. 214.

² *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. 3. — С. 567.

³ См.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). — Рязань, 2004. — С. 101.

⁴ *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. — Л., 1967. — С. 128. Рассказ самого Хвостова, передает Н. В. Савич: «Распутин приехал якобы по поручению лиц, коих он не назвал, но дал понять, что они близки придворному кругу. “Приехал посмотреть, каков ты”, — сказал он Хвостову. Тот знал о влиянии Распутина, принял его наилучшим образом. Поговорив о том, о сем, Распутин вдруг спросил Хвостова, хочет ли тот быть министром внутренних дел. Хвостов боялся ловушки и ответил уклончиво <...> Хвостов сказал, что он за себя боится, очень уж он нравом крут, если кто с ним не поладит, если кто против него пойдет, то он того в куль да в воду. Эти слова произвели, видимо, сильное впечатление, его собеседник долго и молча на него смотрел, искоса и подозрительно, и вдруг сказал: “Вот ты таков, этак ты, пожалуй, и меня когда-либо в куль, да в воду”. Потом прекратил серьезный разговор, скоро потребовал телеграфный бланк и написал телеграмму Вырубовой: “Видел, говорил, сердце хорошее, но молод, горяч, погодить надоть”. Тем это свидание и кончилось». (*Савич Н. В.* Воспоминания. — СПб.; Дюссельдорф, 1993. — С. 76—77).

⁵ См.: *Куликов С. В.* Указ. соч. — С. 101.

⁶ Цит. по: *Фомин С. В.* Наказание правдой. — М., 2007. — С. 370.

⁷ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. — М., 1997. — Т. 1. — С. 634.

⁸ См.: *Барач П. А.* Политика самоубийства. — СПб., 1913. — С. 8—16.

⁹ *Савич Н. В.* Указ. соч. — С. 76.

¹⁰ См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1911—1919. — М., 1991. — С. 168—169; *Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. 1906—1917. — Пермь, 1995. — С. 7—72.

¹¹ *Фоменков А. А.* Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905—1917 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. — Н. Новгород, 2002. — С. 161. См. также: *Царевский С. Н.* Роль А. Н. Хвостова в победе нижегородских правых на выборах в Государственную думу IV созыва // 100 лет российского парламентаризма: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции / Науч. ред. Г. В. Набатов. — Н. Новгород, 2006. — С. 159.

¹² См. *Фоменков А. А.* Указ. соч. — С. 152—156.

¹³ *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV Государственной думы. — Париж, 1927. — С. 212.

¹⁴ См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. Большевистская фракция в Государственной думе и революционное движение в Петербурге. — М., 1937. — С. 49.

¹⁵ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. — 1999. — № 4—5. — С. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Вплоть до 1917 г., как сообщала правая газета «Волынь», между А. Н. Хвостовым и Г. Г. Замысловским существовали крайне натянутые отношения // Волынь. — 1917. — 2 марта; Не менее сложными были у Хвостова отношения и с Н. Е. Марковым, о чем см. ниже.

- ¹⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. — Пг., 1913. Стлб. 1850.
- ¹⁹ Цит. по: Куликов С. В. Указ. соч. — С. 101.
- ²⁰ См.: Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. — 2002. — № 2. — С. 76.
- ²¹ Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). — М.; Пг., 1925. — Т. III. — С. 363.
- ²² См. к примеру: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 858. Л. 48—50.
- ²³ Троцкий Л. Д. Политические силуэты. — М., 1990. — С. 136.
- ²⁴ Миллюков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. — N. Y., 1982. — С. 225.
- ²⁵ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства. — Л., 1925. — Т. IV. — С. 279.
- ²⁶ Цит. по: Куликов С. В. Указ. соч. — С. 105.
- ²⁷ Дякин В. С. Указ. соч. — С. 129.
- ²⁸ Струве П. Б. Неотвратимое свершается // Биржевые ведомости. — 1915. — 11 октября.
- ²⁹ Наше слово (Париж). — 1916. — 23 марта.
- ³⁰ Отношения между Н. Е. Марковым и А. Н. Хвостовым оставались достаточно напряженными, хотя обе стороны старались скрыть этот факт во имя интересов правого дела. «...Прежняя распря [во] фракции между Хвостовым и Н. Е. Марковым, конечно, осталась не забытой, хотя и маскируется с той и другой стороны», — свидетельствовал Н. П. Тихменев (См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России 1911—1917. — М., 2001. — С. 237; «Борьба наша проиграна». Документы правых 1914—1917 гг. // Исторический архив. — 1994. — № 5. — С. 51—52).
- ³¹ Цит. по: Куликов С. В. Указ. соч. — С. 106.
- ³² Бородин А. П. Правая группа Государственного Совета в 1906—1917 годах // Отечественная история. — 1998. — № 3. — С. 61.
- ³³ По показаниям С. П. Белецкого, правые, в лице Маркова и Замысловского получали от Хвостова 15 тыс. руб. только на газету «Земщину» и лазарет для раненых воинов (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 70—70 об., 76—81 об., 125—126). Всего субсидии правым с 15 октября 1915 г. по 12 февраля 1916 г. составили около 200 тыс. руб. // Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1006. Л. 4—4 об.; Сверх того, на организацию продовольственных лавок видному правому деятелю Г. И. Кушнырь-Кушнареву было выдано 160 тыс. руб. // Падение царского режима... Т. IV. — С. 438. Впрочем, на фоне выданных Советом министром с октября 1915 по март 1916 г. (т.е. в период, когда А. Н. Хвостов занимал министерский пост) Всероссийскому земскому союзу (более 76 млн руб.) и Всероссийскому союзу городов (почти 30 млн руб.), сумма эта выглядит более чем скромно. См.: Куликов С. В. Указ. соч. — С. 447—455.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 698. Л. 3.
- ³⁵ Падение царского режима... Т. IV. — С. 68; Монархия перед крушением 1914—1917. Из бумаг Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семенникова. — М.; Л., 1927. — С. 224—225.
- ³⁶ Земщина. — 1915. — 14 мая.
- ³⁷ Цит. по: Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. — Л., 1990. — С. 151.
- ³⁸ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914—1917 гг. — Нью-Йорк, 1962. — Т. 2. — С. 50.
- ³⁹ Цит. по: Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. — М., 1989. — С. 109—110.
- ⁴⁰ Переписка Н. и А. Романовых... Т. IV. — С. 108—109.
- ⁴¹ Петроградские ведомости. — 1916. — 16 (29) ноября; Речь. — 1916. — 15 ноября.
- ⁴² Ознобишин А. А. Воспоминания... Париж, 1927. — С. 214.
- ⁴³ Цит. по: Фомин С. В. Указ. соч. — С. 370. Как отмечает далее Фомин, «великим фантазером» называл А. Н. Хвостова и историк С. П. Мельгунов.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Винберг Ф. В. В плену у «обезьян»... С. 86.
- ⁴⁶ Там же. — С. 89.
- ⁴⁷ Там же. — С. 199.
- ⁴⁸ Луч света. Кн. 1. — Берлин, 1920. — С. 22.